

— Ужъ ты всегда на нее нападаешь понапрасну. Чтò жъ дѣлать, когда молодые люди не женятся. Надо самой не упускать случая. Печоринъ женихъ богатый, хорошей фамиліи; чтѣмъ не мужъ? Вѣдь не вѣкъ же сидѣть дома... слава Богу, чтò мнѣ ея наряды-то сдѣлать, а ты свое: замужъ хочешь, замужъ хочешь. Да кабы замужъ не выходили, такъ чтò бы было...

Эти разговоры повторялись въ томъ или другомъ видѣ всякій разъ, когда мать, отецъ и дочь оставались втроемъ... дочь молчала, а чтò происходило въ ея сердцѣ въ эти минуты, одинъ Богъ знаетъ.

Пріѣхали домой. Катерина Ивановна съ ворчливымъ супругомъ отправились въ свою комнату, а дочка въ свою. Родители ея принадлежали и къ старому, и къ новому вѣку. Пренія понятія, полузабытыя, полустертые новыми впечатлѣніями жизни петербургской, вліяніемъ общества, въ которомъ Николай Петровичъ по чину своему долженъ былъ находиться, проявлялись только въ минуты досады, или во время спора. Они казались ему сильнѣйшими аргументами, ибо онъ помнилъ ихъ грозное дѣйствіе на собственнѣйшій умъ во дни его молодости. Катерина Ивановна была дама не глупая, по словамъ чиновниковъ служившихъ въ канцеляріи ея мужа, женщина хитрая и лукавая, во мнѣніи другихъ старухъ, добрая, довѣрчивая и сдѣлая мамеика для балльной молодежи... Истиннаго ея характера я еще не разгадалъ; описывая, я только буду стараться соединить и выразить вмѣстѣ всѣ три вышеописанные мнѣнія... И если выйдетъ портретъ похожъ, то общаюсь идти пѣшкомъ въ Невскій монастырь слушать пѣвчихъ.

А Лизавета Николаевна... О! знай восклицанія... погодите. Теперь она пошла въ свою спальню и кликнула горничную Мареушу, толстую, рябую дѣвицу... Дурной знакъ... я бы не желалъ, чтобъ у моей жены или невесты была толстая и рябая горничная! Терпѣть не могу толстыхъ и рябыхъ горничныхъ, съ головой, вымазанною чухонскимъ масломъ или прилаженной квасомъ, отъ котораго волосы слипаются и рыжѣютъ, съ руками шероховатыми, какъ вчерашній рѣшетный хлѣбъ, съ сонными глазами, съ ногами, хлопающими въ башмакахъ безъ ленточекъ, тяжелою походкой и [что всего хуже] четвероугольною таліей, обильною нестрымъ домашнимъ платьемъ, которое внизу уже, чтѣмъ вверху... Такая горничная, сидя за работой въ задней комнатѣ порядочнаго дома, подобна крокодилу на двѣ свѣтлага американскаго колодца; такая горничная, какъ сальное пятно, проглядывающее сквозь свѣжіе узоры перекрашеннаго платья,

приводитъ умъ въ печальное сомнѣніе насчетъ домашняго образа жизни господъ.. О, любезные друзья, не дай Богъ вамъ влюбиться въ дѣвушку, у которой такая горничная; если вы раздѣляете мои мнѣнія, то очарованіе ваше погибло навѣки.

Лизавета Николаевна велѣла горничной снять съ себя чулки и башмаки и распуговать корсетъ, а сама, съѣвъ на постель, сбросила небрежно головной уборъ на туалетъ. Черные ея волосы упали на плечи; но я не продолжаю описанія: никому не интересно любоваться поблѣвшими прелестями, худощавою ножкой, жилистою шеей и сухими плечами, на которыхъ обозначились красные рубцы отъ узкаго платья. Всякій, вѣроятно, на подобныя вещи довольно насмотрѣлся. Лизавета Николаевна легла въ постель, поставила возлѣ себя на столпкѣ свѣчу и раскрыла какой-то французскій романъ. Мареуша вышла, тишина воцарилась въ комнатѣ. Книга выпала изъ рукъ печальной дѣвушки. Она вздохнула и предалась размысленіямъ.

Конечно, ни одна отцѣпшая красавица не повѣряла мнѣ думъ и чувствъ, волновавшихъ ея грудь послѣ длиннаго бала или вечеринки, когда въ одинокой своей комнатѣ она припоминала все свое прошлое, пересчитывала всѣ любовныя объясненія, которыя нѣкогда выслушивала съ притворною холодною, притворною улыбкой или съ истиннымъ наслажденіемъ, и которыя не имѣли для нея другихъ слѣдствій, кромѣ лишннихъ десяти строкъ въ альбомѣ или мстительной эпиграммы отвергнутаго обожателя, брошенной мимоходомъ позади ея стула во время длинной мазурки. Но я догадываюсь, что эти размысленія должны были быть тяжелы, несносны для самолюбія и сердца, если оное налицо имѣется, ибо натуральная исторія нынче обогатилась новымъ классомъ очень милыхъ и красивыхъ существъ, именно — классомъ женщинъ безъ сердца. Чтòбъ легче угадать, о чемъ Лизавета Николаевна изволила думать, я принужденъ, къ моему великому сожалѣнію, рассказать вамъ нѣкоторыя частности ея жизни, тѣмъ болѣе, что для объясненія слѣдующихъ происшествій это необходимо. Она родилась въ Петербургѣ и никогда не выѣзжала изъ Петербурга. Правда, одинъ разъ на два мѣсяца въ Ревель, на воды... Но вы сами знаете, что Ревель не Россія, и потому направленіе ея петербургскаго воспитанія не получило никакого измѣненія. У насъ, въ Россіи, нѣсколько вывелись изъ моды французскія мадамы, а въ Петербургѣ ихъ вовсе не держатъ. Англичанку называть ея родителемъ были не въ силахъ, англичанки дороги.